

Евгения Лавренова

Наклонная плоскость

Евгения Лавренова

Наклонная плоскость

«Издательские решения»

Лавренова Е.

Наклонная плоскость / Е. Лавренова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904648-2

Книга для читателя, который возможно слегка утомился от книг о троллях, маньяках, супергероях и прочих существах, плавно переключавшихся из детской литературы во взрослую. Для тех, кто хочет, возможно, просто прочитать о людях, которые живут рядом, и они, ни с того ни с сего, просто, упс, и нормальные. Простая ироничная история о любви не очень талантливого художника и журналистки. История, в которой мало что изменилось со времен «Анны Карениной»

ISBN 978-5-44-904648-2

© Лавренова Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Наклонная плоскость

Евгения Лавренова

© Евгения Лавренова, 2018

ISBN 978-5-4490-4648-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Настала зима. После долгой слякоти, настоящая, белая, громоздкая и радостная. Москвичи повылезали на улицы в шубах, достали старые пропахшие пылью меховые шапки и не верили своим глазам. Носы были красные, на волосах иней, дети кричали и падали в сугробы. Собаки отряхивались, с наслаждением писали на яркий снег и втягивали носом мраморный воздух. С хрустом скользили лопаты дворников. И в какой-то миг всем показалось, что жизнь, наконец, завершив ложный виток, вновь вышла на привычную счастливую орбиту.

Возле входа в кафе стоял мужчина лет тридцати пяти. Он вышел покурить без куртки и с удовольствием чувствовал, как снег падает на лицо, тает на коже, как проникает в поры футболки и оседает на волосах. Было откровенно хорошо, и он пожалел, что не взял еще сигарету, так как стоять без повода на улице в майке было холодно и даже неприлично, с сигаретой – совсем другое дело.

На противоположном конце улицы за ним наблюдала женщина, по-детски открыв рот. Мимо нее проходили люди, некоторые толкались, но Маша не обращала на них внимания. Такого с ней не было с того момента, как она встретила свою первую любовь, на линейке в пионерском лагере, в виде переростка в трениках с обвисшими коленками и грязной челкой на уставшем от жизни тринадцатилетнем лице.

Маша увидела, как мужчина выбросил окурок, открыл дверь и заполз обратно в невидимое теплое пространство кафе. Некоторое время она стояла в нерешительности, потом, перепрыгнула улицу и, размахисто открыв дверь, вошла, разрезая морозной свежестью затхлый воздух общепита. Она приземлилась прямо за его столик, стараясь ничего не обдумывать. Вот уже несколько лет она только и делала, что обдумывала что-нибудь. Природа подсказала ей, что пора, наконец, что-нибудь совершить. Пусть глупость.

«Извините, вы здесь один?» – спросила Маша и сложила перед незнакомцем свои белые длинные руки.

«Да, пока один?» – вопросительно ответил мужчина.

«Я—Маша!» – Маша протянула ему кисть со сверкающим старинным изумрудом, которую он даже не решился пожать.

«Да, Маша» – сказал Гриша, как можно более приветливо, чтобы не спугнуть ее. «Дело в том, что...» – Маша замешкалась. «Короче, вы можете просто попить со мной кофе?» – сказала Маша почти раздраженно.

«Я с удовольствием» – сказал Гриша и начал оглядываться.

«Вы сейчас хотите? Дело в том, что... сейчас сюда придет моя жена и она, конечно, не помешает, если вы не против и....»

Стало неловко. Маша оскалилась, как можно шире, встала, и, аккуратно ловируя между столиками, просочилась к выходу. В дверях она столкнулась сначала с животом, а потом и самой обладательницей живота, блондинкой лет двадцати семи. Приятное лицо, лишенное косметики, выражало крайнюю степень благости, раздражающую благость. Варвара подошла к столику с мужчиной, он встал, чтобы чмокнуть ее в щеку и помог раздеться. Они сели напротив друг друга. Прошло секунд тридцать и Гриша вскочил.

«Варь, подожди минутку» – и не найдя, что добавить, выбежал на улицу. Метров через сто пятьдесят он настиг Машу, и вцепился в шерсть ее шубы. «Телефон давай» он прошептал ей, запыхавшись.

Маша обернулась ошалело.

«Ну что ты смотришь, дай мне телефон свой, пожалуйста» – сказал он, пританцовывая от нетерпения.

«Нет, лучше не надо» – сказала Маша, виновато посмотрев на него.

«Дура» – пробормотал мужчина.

Лицо Маши стало радостным от маленького приключения, она бодро шагала вдоль по улице, ей так приятно было быть душой, а не Марией Алексеевной, это было так сексуально в конце концов. Но постепенно настроение ее портилось. Что-то она сейчас сделала не так. Может быть она чувствовала стыд? Нет. Никакого стыда она не чувствовала. Она чувствовала, что упустила что-то очень важное, как будто уронила ключи от машины в глубокий снег. Маша прошла еще немного, потом села на железобетонный выступ рекламного щита и закурила, чтобы подумать.

За столиком в кафе сидела Варя. Она аккуратно, как кошка, пила черный чай. Ее огромный уродливый живот не очень гармонировал с красивым шведским лицом и белыми ухоженными волосами.

«Ты куда бегал?» – ласково задала она идиотский вопрос.

«Не знаю, там знакомый, показалось» – ответил он мрачно. «Бегал, что за слово идиотское.»

Варя с материнской любовью смотрела на Гришу. Он тоже улыбнулся ей, сначала насильственно, а потом, глотнув сладкого кофе и более искренне, Варя стала улыбаться еще доверчивей и погладила его колено. По мнению Гриши в кафе такое проявление любви было излишним. Он закрутил головой в поисках случайных свидетелей, которые могли бы увидеть этот процесс. Но, похоже, они никого не интересовали.

Дома их ждала мама Вари Татьяна Сергеевна. Уже лет пять, как она ходила, опираясь на костыль. За это время она сильно опустилась, и сопротивляться ее новой жизненной позиции, опускаться все глубже с каждым днем, уже не представлялось возможным. Ее седые волосы выбивались из пучка и падали на морщинистую шею, отчего она сделалась похожа на героинь Хичкока. Длинные мочки ушей угрожающе тряслись при каждом движении. В ее одутловатом лице что-то напоминало плачущую Варвару, и Грише от этого делалось тревожно. Она всегда носила серую водолазку и синюю трикотажную юбку, почему? Не известно. В начале их совместной жизни Гриша сам инициировал разные галантерейные подарки для тещи, дабы не оскорблять свой высоко художественный вкус, но все вещи Татьяна Сергеевна резала большими стальными ножницами и делала из них красочные подушки, которые дарила опять Варваре, а сама со стоическим упорством ходила в одном и том же. Понять ее было можно – костыль и дорогая одежда уживались плохо. Из темного угла выбежали два мальчика. Одному было шесть, другому четыре, третий сын годовалый Енисей, сидел у бабушки на руках весь с ног до головы покрытый желтоватой присохшей кашей.

«Енисей» – стала причитать Варвара. Какой ты грязный, мамочка, ну что же ты... есть же специальный воротник, как можно было так испачкаться?

Мама заговорила каким-то давно вышедшим из употребления за тысячу километров от столицы говором:

– А он не хочет его. Так и сдергивает, так и сдергивает.

– Ну ладно, ладно, давай сюда – примиряюще сказала Варя. И взяла ребенка на руки

«Вас подвезти?» – спросил маму Гриша, надеясь таким образом ускорить исчезновение тещи, ее костылей, юбки и адского говора.

«Не, сама дойду», спасибо Григорий. Гриша с надеждой и даже любовью смотрел, как мама одевает старомодный платок и завязывает шнурки на ортопедических ботинках, когда он провожал ее, то всегда чувствовал прилив нежности. Но вдруг теща остановилась, посмотрела на часы и ее лицо перекошилось неожиданным кокетством...

«Дети, а можно я у вас шоу посмотрю, знаю грех это... ну я уж старая, мне хочется...»

«Какое шоу? Татьяна Сергеевна» – как можно веселее, чтобы скрыть свое раздражение, спросил Гриша.

«Ну это... со звездами» – продолжала стесняться теща.

Гриша шумно выдохнул. Теща пробиралась вглубь кладовки. Она весело посмеивалась и кряхтела от предвкушения удовольствия, и в груди ее при этом что-то скрипело и колыхалось. Тещу закрыли в маленькой темной комнате с маленьким старым телевизором. Она уселась между сушащимися детскими вещами и сложенным постельным бельем. Гриша сел на кровати. К нему приближался один из сыновей.

«Папа, хочешь кефирчику» – сказал, сильно картавя, четырехлетний Александр, последыш, как любила выражаться теща. Последыш тут же споткнулся и пролил кефир прямо на джинсы Гриши.

«Ой» – сказал ребенок и очаровательно развел маленькими грязными ручками.

Гриша аккуратно выдохнул снова, снял грязные штаны и пошел за тряпкой. Стоя в трусах, он долго собирал пролитый кефир и выжимал его в таз. В тазу кефир становился серым. В дверях на него умильно смотрела жена. Как многоборец, она одновременно держала за руку одного ребенка и кормила грудью другого, усадив на большой живот, в котором сидел третий. Ее лицо в рамке белых длинных волос было иконописно красиво. Она вдруг ссадила младенца в манеж, подошла к мужу, и прижала его голову к своему необъятному животу.

«Бедненький мой, устал.»

«Ну отчего я устал то Варь?» – сказал Гриша раздраженно. Но на всякий случай наскоро погладил Варю по спине. Жена улыбнулась и блаженно потягиваясь, вышла из комнаты.

В темной комнате во все глаза теща смотрела телевизор. Она даже покрякивала от удовольствия, глядя на очередную движущуюся на коньках звезду, когда дверь в ее комнату открыл мальчик. Бабушка долго не замечала его, смотря в экран и выпятив челюсть.

«Бабушка!» – позвал ее мальчик.

«Что?» – подпрыгнула она и нажала на кнопку пульта. Экран погас. В маленькой комнате сделалось тихо-тихо. Пристыженная бабушка выползла из комнаты, надев платок. В дверях она шептала дочери.

«Варь, Сашка видел меня с телевизором, у вас там задвижка не работает что-ли? Я вроде втыкала ее... Гриша – почини там затычку то, а то ж дети видят это все Татьяна Сергеевна перекрестила зачем то комнату с телевизором.

«Починим затычку, Татьяна Сергеевна, не волнуйтесь.» Гриша с удовольствием надевал на тещу пальто второй раз.

«Ну ладно тебе, Гриша, не передразнивай,» кокетливо ворковала теща.

«Варя, когда это кончится? – начал Гриша, как только за тещей захлопнулась дверь. Почему мы ходим в ту комнату тайком, как самоудовлетворяться, а? Варя смотрела, испуганно хлопая глазами. Гриша продолжал: «Теща коньки любит, ну и слава богу, сколько можно втихаря запирается и смотреть все это через мокрые трусы. Ну есть у нас телевизор, ну и бог с ним, надо поставить его уже в центре и смотреть всей семьей.»

«Правильно, телевизор!» – топнул ногой четырехлетний Саша, немисливо картавя. На лице Вари отразился ужас от такого немислимого кощунства и даже годовалый младенец, не выпуская грудь изо рта, округлил глаза, слушая, чем окончится этот немислимый демарш. Мама закрыла ему глаза рукой, как будто телевизор мог немисленно воплотиться, от того что его назвали по имени...

«Гриша, при детях может не надо, а? Давай, когда будем одни.»

«Варечка, ... когда мы бываем одни? Мы никогда не одни» – бормотал под нос Гриша, удаляясь в ванную. Засовывая штаны в стиральную машину, он продолжал брюзжать: «С нами же божий глаз везде и теща еще.»

Он вышел из ванной и пытался попить сок прямо из пакета, сок вырвался из рук и залил на этот раз Гришину футболку. На этот раз Гриша рассмеялся и резко подобрел. Что, собственно, явилось причиной его недавнего раздражения, он вспомнить толком не мог, а посему приготовил жене чай с чабрецом и сахаром, как она любила.

Семья Варвары 20 лет назад вернулась из Канады, туда они попали еще в конце пятидесятых, потому что в Канаде тогда было много русских староверов. Но дети староверов рождались, покупали компьютеры и телевизоры и постепенно теряли связь с корнями, топя ее в кленовом сиропе. Тогда папа Вари, иконописец-самоучка, решил возвращаться на историческую родину. Они продали в Канаде старый добротный дом, лошадь, корову, и прочие странные крестьянские вещи, с трудом уживающиеся с Гуглом и Майкрософтом.. Не продали лишь коромысло. Семейную реликвию. Его пытались пристроить соседям, но они отказывались, несмотря на исторический подтекст двухсотлетней чурки. Тогда папа повез его с собой в Москву. Так и приехали, неся коромысо, как крест свой, небрежно расталкивая посетителей аэропорта раритетом.

Купив квартиру в Перово на полученные в Канаде средства, Клюевы стали жить в Москве. Деньги, скопленные в холодной благоустроенной стране довольно долго не заканчивались. Жить в России, меняя доллары, тогда было весело и привольно. Варвару отдали в художественную школу, чтобы она научилась писать иконы по-настоящему, а не как отец. Девочка ездила из Перово на Парк Культуры и все было бы вообще хорошо, если бы не тараканы. Тараканы в те времена еще были крепкими и разнообразными. И ничем не выводились, они были настолько причудливой формы, что, если бы кто то хотел, то мог бы изучать их часами – маленькие рыжие, коричневые, большие, черные, цельные, собранные из двух половинок, они ничего не боялись, ели любую отраву, жили в тапочках и любили спать прямо, как собаки, на добротном канадском белье. К тараканам Татьяна Сергеевна привыкнуть не могла, несмотря на крестьянскую привязанность к животным.

Потом кончились деньги, лубочные иконы в Москве писали все кому не лень и труд отца Варвары затерялся среди этого разнообразия. Окончательным поводом же для переезда в деревню послужило сразу несколько обстоятельств. Во-первых – тайная жизнь тихой Вари, у которой после недолгого отсутствия родителей, обнаружили под кроватью несколько бутылок разнообразных ликеров, синих, зеленых и красных, больше напоявших жидкость для химических опытов, чем выпивку и пепельницу с окурками. Вторая причина была – те же тараканы.

Последней каплей стала битва с насекомыми с помощью некоей фирмы, предоставляющей такие услуги. Фирма пришла в фирменной одежде, распылила вонючую фирменную жидкость с фирменной наклейкой, а заодно лишила семью Клюевых последней части сбережений, которые хранились в самоваре. Место в самоваре было гордостью матери Варвары и она даже восхитилась находчивостью молодых людей, которые смогли обнаружить его и нейтрализовать буквально за несколько минут ее отсутствия в комнате.

Для проживания выбрали глухую деревню под Муромом. Там никакой опасности застать погрязшую в грехе цивилизацию не было. Из трезвых мужчин там жил один директор школы. Он не грешил, а напротив, был даже очень образованным, начитанным, к тому же праведно проживающим в браке с благоверной супругой, осталось только непонятным, где ему в этой глуши блеснуть этими атавизмами. В школе его имелось шесть учеников. Директор вел у них все уроки, кроме физкультуры. Для физического развития детей, существовал специальный физкультурник, дед Николай. Он был глубоким алкоголиком, как и все остальное мужское население деревни, однако четко знал, когда у него урок, ставил будильник за три часа до выхода к детям, громко кряхтел, отктыдывал бутылку в сторону и ложился

спать, чтобы через три часа иметь возможность выйти на урок перпендикулярно основанию земли. Николай, по понятиям деревни, был прямо заслуженным учителем, и директор это ценил. Каждый раз перед уроком он встречал у дверей школы своего единственного педогога и крепко жал ему руку. Этот ритуал, говаривали в деревне, соблюдался шестнадцать лет подряд и читлся не меньше ежегодной проповеди папы Римского. Ученики были разнообразны по масти и калибру. Самому старшему было семнадцать, и в свои годы, он тоже уже был законченным алкоголиком, единственное, что отличало его от других односельчан, было умение часами ковырять в носу без отдыха и усталости. Клюевы шутили, что он и в девятый класс пошел только потому, что ковыряя в носу, совершенно невозможно ездить комбайне. А в школе за партой это очень даже возможно. Еще был Славик лет тринадцати, этот чуть что, снимал штаны, выставя изрядное для его возраста хозяйство и скалился, оголяя мелкие зубы. И глядя в его чистые, косые глаза, становилось понятно, что отвадить его от этого занятия можно лишь посредством убийства. Была еще девочка – на ней сказался ранний алкоголизм родителей, она ничем особенно не выделялась, была доброй и тихой, но соображала и говорила большим трудом.

Варю четырнадцати с половиной лет в эту школу решили все-таки не отдавать. Ей купили краски и отправили созерцать и запечатлеть русскую природу. Посчитали, что образования для девочки у нее итак больше, чем надобно.

Запечатлеть в деревне было что: можно было коров, зайцев, крупных щетинистых свиней, деревенских алкоголиков, которые спали прямо в поле, вываливаясь в конце смены из комбайнов, как созревшее семя из колоса и много еще чего. Также можно было совершенствовать жанр, с натуры рисуя, как добродушные старушки, жены, разбирали мужиков вечером после работы, причем каждая своего и никогда их не путали, чем восхищали тогда еще крепкую и опрядную Татьяну Сергеевну. Мужики же обычно по заведенному ритуалу не хотели в избу, сопротивлись, вставали на четвереньки, громко неразборчиво пели и отчетливо матерились, а жены загоняли их внутрь дружески подпихивая ногами, и для верности плевали на них сверху очистками от семечек, не со зла, а забывы ради. В общем, все это были довольно милые и колоритные картины из жизни деревни, которые никто в живописи так до сих пор и не выразил. Татьяна Сергеевна и Сергей Николаевич считали, что именно в такой обстановке их чистый цветок Варя и вырастет настоящей русской женщиной.

В темноте светился от фанарного света иконописный лик Варвары, по ее щеке текла слеза, она чувствовала, что Гриша устал. Он даже спал устало. И чем больше он отдыхал, тем больше уставал. Она думала о том, что его подкосил четвертый ребенок. Да. Как то он сказал, что трое детей – это естественно, а четыре, похоже на помет кошки. Ей было больно думать об этом. Она не могла делать аборт и он, когда женился на ней, это прекрасно знал. Она знала, что все образуется, что нужно не роптать. Но не роптать было сложно. Вдруг она почувствовала шевеление под одеялом. Так начиналось обычно их примирение, после того, как муж объяснил Варя, что уж что-то, а секс в их доме грехом считаться не будет. Она почувствовала влажное начало примирения и начала улыбаться.

– Варя, Варя – шептал муж. Девочка моя...

Гриша пытался овладеть ею в единственно доступной для глубоко беременных позе. Варя улыбалась. Только не забеременей – весело шептал Гриша, делая свое дело. Беременные ведь не беременеют? Варя еле заметно кивала и улыбалась. После в меру насыщенного наслаждения мышцы лица Григория опять приняли привычное уже унылое положение.

«Четвертый, господи.» Гриша и сейчас иногда хотел помечать крестиком того ребенка, с которым общался в день более пятнадцати минут.

«Четвертый мальчик, опять молочная кухня в семь утра, поликлиника, прививки, памперсы, слава богу памперсы, а не пеленки, как настаивала Татьяна Сергеевна. Опять резкий плач по ночам, грузные синеватые после родов ноги жены, которые надо обматывать желтоватыми бинтами, болезни поочередно— первый, второй, третий, четвертый. Температура и этот отвратительный детский кашель, выворачивающий тебя на изнанку. Гулять теперь надо с четырьмя и всех их одевать, одевать. Особенно зимой.»

Гриша вспомнил, как вчера собирал детей на прогулку: шапки-где-варежки-где-ретузы-где-колготки-это-не-те-варежки-куда ты-положила-шапку-ты-вчера-гуляла-может-в-машине-хорошо-пусть-мою оденет – куда-он-твою-оденет-она-с него-свалится-не-свалится-если-перевязать сзади —ну-сама-и-одень-раз-не-свалится-господи-ну-ты-то-чего-орешь-матвей выведи-сашу-на-улицу-а-то-вспотеете-оба-куда-ты-дел-опять-варежки-вот-они мокрые-совершенно-сколько-раз говорил-вешать-на-батарею-закройте-дверь-за собой-а-то-дует-из-подъезда-да-да-здравствуйте-идем-гулять-да-спасибо-не бахай-дверью

Лежа на боку, Маша претерпевала секс. Одеяло вздымалось и падало. Слышалось глухое кряхтение.

«Фу, устал» – мужчина сел на кровати, выпрямился и отер пот со лба.

«Нечего было начинать, если так устаешь» – вяло проговорила Маша.

«Машунь, ну что ты, а? Я же по-хорошему устал, и готов для дальнейших свершений» – кокетливо сказал человек и опять залез верхом на Машу.

«Слезай, уже ради бога» – Маша пыталась рассмеяться, скидывая наездника.

«Я тоже устала между прочим.» Она отвернулась от него на кровати и укуталась в одеяло.

«А ты то отчего устала, Маша, ты ж не делала ничего» – раздавался голос мужчины.

«Ну все Кирилл, давай юмор тоже до утра побережем».

«Как скажешь. Все, теперь все будет серьезно, о-о-чень серьезно, Маша» – только серьезный вдумчивый секс. Никакого юмора

Он перевернул Машу к себе и начал целовать в губы. Она ответила ему коротким поцелуем и отпихнула уже с силой.

«Все, сплю.!»

«А ты спи себе, ты мне не мешаешь, ты в прошлый раз мне тоже не мешала. Ха-ха-ха» – мужчина продолжал раздосадованно радоваться собственному юмору. Маша резко села на кровати:

«Слушай, я имею право на нежелание делать это два раза подряд.»

«Господи, да имеешь, имеешь право на нежелание. Успокойся. Я уважаю твое право на нежелание.»

Мужчина резко лег на другую сторону кровати и отвернулся. Маша придвинулась к нему и улеглась, обняв за спину. Через несколько секунд она услышала мерный храп и спокойно откатилась на другую сторону кровати.

Маша тоже была единственным ребенком в семье со старой престарой мамой, она была немисливо поздним ребенком, мама родила ее в 50 лет. В тот же год умер Машин папа, оставив после себя кучу легенд и массу изысканных по тем советским временам совершенно неприличных вещей: огромную библиотеку, антикварные столики, шахматы из слоновой кости, коллекцию трубок, немецкие таблетки 70-х годов от полового бессилия, французские эротические журналы, пакетик с какой-то зеленой трухой, привезенный из Боливии, который мама любовно называла кокаином и прочее и прочее. К тому же папа отлично пел баритоном, сам себе аккомпанируя, в основном что-то не очень приличное, а также имел кучу любовниц, о которых мама рассказывала не без гордости. Одна из них была из Чехословакии, что считалось в те вре-

мена крайне престижно. Далеко не каждая советская семья могла себе позволить любовницу из за границы.

Чешка подолгу гостила у них с папой. Мама восторженно показывала, где спала гостья из Праги, демонстрировала забытые ею серьги, с умилением говорила о том, что папа выдавал чешку за свою дальнюю родственницу и при этом, тут же хвасталась, что ни дня этому не верила.

Судя по всему, папа был интересным человеком. И Маше тоже от него кой чего перепало. Мама же стала интересной только после его смерти, но интересной по-своему. Теперь все свои силы и любовь она отдавала рожденной красавице Маше. Ее любовь была абсолютно маниакальной. Она никак не могла отчаяться отдать ребенка в сад или ясли. Только от этого маниакального страха, она покинула пост преподавателя английского в институте и стала обучать дома. Но ученики как-то не шли. Лучше шли пошитые дома на старой машинке шторы. К шитью Нина Александровна была приспособлена не очень, но из-за боязни за ребенка уже через две недели странного изнурительного труда, требующего невероятной кропотливости, неплохо наловчилась шить модные в ту пору шторы из атласа в стиле «сделайте мне красиво» к которым подшивала невероятные золотые кисти. Ее забота о Маше скоро превратилась в манию. Мама так боялась что ребенок заболеет, что сначала она решила и обучать ее дома, но ее переубедила сестра, сказав что если так пойдет дальше, она лишит ее родительских прав. Нина Александровна сдалась и отвела драгоценную Машу за руку в школу. Затем она сделала следующее. Она выбрала дерево покрепче, вооружилась биноклем, и короткими беспомощными ножками, цепляясь за жесткую кору, залезла на каштан и оттуда стала смотреть за жизнью ее несравненной. С этого дня она окончательно помешалась. Уже лет через пять она начала слышать голоса, давала иное «свое» толкование всему услышанному по телевизору и радио, научилась собственноручно изобретенным способом с помощью подорожника и яиц привораживать к Маше нужных людей и отворачивать ненужных.

Маша наоборот только в школе вдруг узнала, что такое жизнь. Она бодро и воинственно подчинила себе девочек, выстроила их в иерархическую лестницу, причем так, что все, включая принадлежащих к самой низкой касте, с любовью и трепетом ждали от нее редких подачек и боялись ее прогневать. Так одна покупала ей булочки, другая носила ее сменную обувь, а самой приближенной подруге позволялось причесывать Машины густые темно-русые волосы. Когда однажды Машиной маме рассказали, что ее дочь третировает одноклассниц из глаз Нины Александровны полелись слезы радости. Кого бы Маша не третировала, так им и надо. А зачем еще нужны тогда королевы?

Если в начальных классах баловство Маши только поощрялось, то вот потом, когда баловство могло перерасти в секс, проявилась во всю мощь материнская воля, а в пику ей – невероятная наглая смекалка дочери.

В пятнадцать лет Маша впервые влюбилась. Влюбилась прямо на улице. На тротуаре сидел романтически опечаленный красавчик с грязной головой. В его волнистых волосах кое-где проглядывала солома, но на шее были бусы. Для Маши эти достоинства были неоспоримы. Недолго думая она подошла, села рядом и поцеловала его нежную желтоватую щеку. Наркоман удивленно посмотрел на нее и подумал, что в этот раз его штырит на редкость позитивно. Маша поняла по расширенным зрачкам, что это именно то, чего ее мать как раз и боится больше всего на свете. Но ее это только развеселило.

Маше очень нравилась половая жизнь с равнодушным и грустным Костей, но, как всегда, настала зима и осуществлять ее было совершенно негде, тогда Маша решила делать это прямо дома. В комнату бесценной дочери мама не пропускала даже блоху, а уж молодому человеку,

даже не очень крупному, проникнуть туда было решительно невозможно. Но Маша и не думала делать это легально. Она сказала подслеповой и все больше сходявшей с ума маме следующее. Мама, у тебя бессоница и у меня бессоница, а у меня скоро экзамены. У тебя скоро... старость. А все из-за скрипучих половиц. Не могла бы ты после 11 не выходить из комнаты, а все что нужно я буду приносить в твою спальню. После чего Маша бодро сервировала маме поднос с чаем и сушками и купила ей ночной горшок, рассудив, что ничего другого маме ночью понадобится и не должно. После чего, уверенная в своей беснаказанности, она впервые открыла дверь в 23.15 и с присущей молодости настойчивостью и любопытством занималась с Костей любовью до шести утра. Мама пол года так и писала в ночную вазу, пока из квартиры не пропала одна из папиных серебрянных сахарниц. Тогда Маша неожиданно одумалась, послала любимого подальше, маме же сказала, что от бессоницы она излечилась и теперь ей можно снова, как и прежде пользоваться всеми благами коммунального хозяйства.

Гриша смотрел в потолок рядом с блаженно улыбающейся женой, Она лежала на спине и слегка присвистывала. Гриша встал, подошел к окну, открыл его и, голый задницей усевшись на подоконник, стал курить в открытое окно. В подъезд их дома зашла молодая девушка. Отчетливо увидев силуэт голого мужчины, она улыбнулась и помахала ему рукой. Гриша стеснительно ответил, но тут же закрыл окно и вернулся в супружескую постель. Жена всхрипнула, пытаясь перевернуться, и сопение прекратилось. Еще долго Гриша лежал в темноте глядя в потолок, на котором отражался свет фар, разгружающейся утром машины. Голоса за окном нежно матерились, затем что-то разбилось. Мат стал бодрее и задорнее.

Гриша впервые увидел Варю в художественной школе, ее задумчивая красота завораживала, рисовала она крайне плохо, зато была прекрасной моделью, писать ее стертые ботибельские черты было естественно и просто. Потом она неожиданно быстро пропала. Рассказывали, что родители отдали ее в секту к пятидесятникам. Гриша быстро Варю забыл. Да и не мудрено. В пору юности, впрочем, как и сейчас, Гриша носил волосы по плечи, имел тонкое жилистое тело и лицом задумчивым и строгим, своим многочисленным воздыхательницам напоминал Христа. Обаять впечатлительных девушек двойнику самого Спасителя, было раз плюнуть. Потом они долго писали ему что-то... какие то обиженные романтические письма, то кровью, то с сухим каким-нибудь цветком в конверте, то даже было прислали засохшего ужа, прищипленного булавкой. Присушивали. Однако все его поклонницы были на один манер, рефлексирующие эксцентричные интеллектуалки. Гриша же хотел другого, он хотел хохотушку в джинсах, прямо с дискотеки, со стразами и румянцем, желательно прямо на пошлых высоких каблуках. Девушек, уверенных в себе, и не натерших мазоли на пальцах о пыльные фолианты, он слегка побаивался. Но, в общем, и среди интеллектуалок попадались веселые, так что жить и не тужить было можно. Варя тоже была влюблена в Гришу, причем так, что иногда, отпуская мысли, мечтала отрезать его руку и положить в банку, чтобы иметь возможность разглядывать и трогать ее постоянно, дома, не опасаясь посторонних взглядов. О своей страсти она никому не говорила – стыдилась сидевших в себе бесов.

Гриша имел успех у девушек независимо от своих картин, а картины были в общем то второсортными. И это его не устраивало. Чтобы найти себя потребовались наркотики. В результате пять лет жизни своей Гриша вообще вспоминал с трудом. Точно однако запомнил, что было весело и откуда то появлялись деньги. А через пять лет Гриша начал зарисовывать большие картонные шары. Шары всем понравились, набежали восторженные критики, и Гриша вдруг решил, что не зря он ходил «туда», что он рожден, чтобы расписывать шары яркими, как солнце красками. Через некоторое время, продав несколько шаров любителям и засветившись на выставках, Гриша попал в больницу, а оттуда на принудительное лечение словом

Божьим в спец заведение. Спустя 4 месяца его, как водится, осенив крестным знаменем, выпустили, решив, что он снова готов к большой жизни. Гриша вернулся в пустой грязный дом, где его ждали лишь два веселых пыльных шара. Гришу вдруг обуял страх, страх был паническим и животным. Гриша не мог больше находиться наедине с шарами. Эти дни он помнил, как бесконечное перемещение в пространстве.

Присаживаясь на кровать и, брав книгу, он тут же вставал и закрывал ее, закуривая тут же тушил сигарету, в этой безумной тревоге он не мог доделать самых простых обыденных вещей, например – сварить макароны. Не дотерпев до пузырьков, Гриша выливал пшеничные лепточки в туалет – его тело хотело быстрой смены положения. Он вспоминал тогда дурацкое выражение «не находить себе места» и удивлялся, как иногда банальные слова бывают до ужаса точны. В один из таких дней он решил прогуляться по Новодевичьему монастырю, благо было недалеко.

Он шел вдоль красных парадных стен Новодевичьего и увидел вдруг Варю. Она стояла в детской шубе с большими пуговицами и в детской кроличей шапке. В его висках застучало, ноги подкосились, и он позволил себе сделать жест и картинно упал на снег. Открыв глаза, он увидел детское белесое лицо с голубыми глазами.

Варя? – как бы с удивлением он узнал свою бывшую одноклассницу, и тогда, лежа на снегу, он решил, что Варя – это его судьба. Он взял у нее телефон и зашагал домой с уверенностью, что наконец спасся.

Варя же совершенно преобразилась. Она все время улыбалась и смеялась, как дура, чем очень удивляла Татьяну Сергеевну, которая в ту пору занималась тем, что ходила по инстанциям, пытаясь выбить себе пенсию по инвалидности. Варя принималась петь невпопад, а по ночам, когда Татьяна Сергеевна наконец укладывалась, она достала краски и пыталась что-то писать. Сюжет в голову как-то не шел, но сам процесс соприкосновения кисточки и бумаги вызывал приятное головокружение. Однажды от возбуждения Варя проковыряла кисточкой дыру в бумаге. Больше недели Варя переживала подъемы настроения, приливы нежности и отчаяния, но Гриша так вот сразу встречаться с судьбой не спешил. Его жизнь вошла в привычную колею. На очередную выставку требовали шар, вернулись друзья, с которыми теперь можно было просто выпить, вернулись интеллектуалки. Гриша вспоминал чистое лицо Вари, но говорил себе, что встречу с судьбой нужно хорошенько подготовить. В конце концов ему стало стыдно и он позвонил Вале. Варя оказалась неожиданно нелюбезной: она цедила по слову, говорила устало, и поскольку Гриша не мог приписать это своему молниеносно действующему обаянию, то этот совершенно не светский тон его изрядно заинтриговал. Он предложил Вале встретиться и погулять, но Варя собрала всю волю в кулак, чтобы отказать. Гриша сказал себе «ну и ладно», но с тех пор ему как то не пилося, что ж такое, как же так? – роились нехитрые мысли в его голове.

Он позвонил еще раз и пригласил Варю на выставку. Она даже не сказала «спасибо, нет», она просто сказала, нет. Тогда Гриша решил, что обязательно на ней женится. Для чего склеил очередной шар и выписал его в стиле гжель, изобразив среди прочего на шаре монастырь, распростертого на снегу себя и Варю, кормящую голубей. Осталось узнать адрес и вкатить это дело под ноги будущей невесте.

Наутро арт-объект был выставлен на суд. Дверь открыли одновременно Варя в ночнушке с зубной щеткой в руках и Татьяна Сергеевна с новыми немецкими костылями. У Татьяны Сергеевны оттопырилась челюсть, Варя же засмелась и, чтобы как-то скрыть клокочущее счастье, убежала вглубь квартиры из которой, пока они были в деревне, сами собой исчезли тараканы.

Гриша начал ухаживать, Варя доверчиво ходила за ним на выставки в квартиры музыкантов и художников, давала подержать себя за мягкую белую руку, но дальше этого дело не шло. До свадьбы Варя и Гриша ни разу не целовались. Варе даже было стыдно, что она таких строгих правил, но ее милое лицо говорило о том, что поделаться с этим она ничего не может. Лучше отрезать Грише руку и отправить ее в глицерин. Вот такой секс ей по душе. Грише она рассказывала про каких то староверов, которых он воспринимал как некоторую пикантную деталь его молчаливой невесты. Гриша долгие годы считал себя атеистом или по крайней мере агностиком, поэтому не мог относиться к этому серьезно. Конечно, в трудные моменты он обращался к богу, но сам знал, что делает это потому что слаб, и рассчитывать на свои силы ему тяжело. Верующих без сомнения людей ему в своей жизни встречать приходилось немного, всем им он завидывал, хотя видел, что даже слепая вера не защищает людей от необходимости выбирать, бороться и принимать решения. Варя же выросла на радость папе, который умер за год до их знакомства. Она не сомневалась. Никогда. И Гришу это ставило в тупик, в такой тупик, что он предпочитал в эту сторону мысли не развивать. Все Варины доказательства существования всевышнего были детскими, наивными, глупыми и в такие моменты он понимал, что Варя безнадежно глупа, но не придавал этому значения.

Вскоре они все таки поженились, Гриша отказался венчаться, отложив это до лучших времен, пришлось сходить к тетеньке в ЗАГС, где она, как и положено, выдала им запрограммированную речь о счастье молодой семьи.

Маша вышла замуж совершенно по-другому. Сватались к ней разные полезные женихи, но Маша даже не смотрела в их сторону. Ее интересовали неудачники. Первый роман сменился вторым, потом третьим, один из неудачников сделал ей предложение. Маша приготовилась нести крест и спасать. И тут выступила мама. Маме в ту пору было уже 77, она страдала всеми болезнями сразу, от сахарного диабета до постоянных гипертонических кризов, однако была крепка волей, как и всякий человек старой закалки. Услышав про жениха, мама вдруг сделалась ужасно красной, потной, уронила свое грузное тело на пол и пригрозила не вставать с «этого места» пока «это все не кончится». Маше также запомнились хрестоматийные «Костями лягу» и «Только через мой труп». Маша поняла, что замуж ей выйти, видимо, не суждено. Мама своим флюорисцентно малиновым лицом доказала ей, что труп в этом случае выражение совсем не фигуральное... А Маша не хотела никаких трупов.

Жить Маше было негде. Неудачник, как и положено неудачнику, тоже своей жилплощади не имел. Через четыре года они расстались. Маше было 27, когда к ней особенно настойчиво прицепился один положительный сотрудник банка, он был не глуп, приятен. Обрабатывая дочь, обрабатывал мать, в чем и приуспел. На этот раз мама не уобразжала никаких трупов, а наоборот кокетничала с потенциальным зятем, трясясь и икая от удовольствия, кормила его вареньем и овощным рагу, в такие моменты Маше казалось, что мать и жених могут прекрасно поладить и без нее. Через год у них с положительным Кириллом была самая, что ни на есть, положительная свадьба. Фата, вальс, разученный для гостей, модный тамада, умеющий развлечь приличных гостей, пьяные родственники из деревень, которые сперва сидели тихо и пришибленно, подавленные роскошью обстановки, а потом, хлебнув лишнего, выписывали хитрые кренделя ногами под модный авангардный джаз.

Маша воспринимала все это оптимистично, но не как свою собственную жизнь, а как кино, счастливое кино 60-х годов со сладкой музыкой та-ра-ру-ра, в котором она почему то участвовала. Уже тогда, в 27 лет, она чувствовала, что никакой такой приятственной жизни у нее не получится. Что может быть или хорошо или очень плохо. Как бы то ни было, года через три Маша растеряла всех своих богемных друзей, стала покрикивать на дом-работницу

и купила отдельный шкаф для дорогих туфель. А муж напротив, своих друзей сохранил, потому что его друзья были парными друзьями, удобными для поддержания семейной дружбы и даже если кто-то из них заменял одну улыбчивую блондинку на высоких каблуках, на другую, менее улыбчивую, носившую каблук поменьше, особой роли это не играло. Друзья были из банковской среды, работали в иностранных фирмах, знали по несколько языков, читали всех нобелевских лауреатов по литературе. И, вроде бы даже смотрели неплохие фильмы, при этом они могли потратить весь вечер на обсуждение скидок на БМВ, и могли серьезно расстроиться из-за того, что в химчистке им что-то не так почистили. Они называли это беззаконием. Для них беззаконие являлось в виде вырванной пуговицы или неправильно установленного крана. Маша сначала их презирала, а затем привыкла и стала считать, что у них просто отсутствует ген рефлексии.

Машино же образование было совершенно бесполезным... Маша была искусствовед. Поскольку она ведала искусством профессионально, то часто ей казалось, что раз она понимает принципы искусства, и может так глубоко переживать и чувствовать, то и сама вскоре может создать шедевр. Осталось только определиться в какой именно области. На определение области создания будущего шедевра уходила добрая часть Машиного свободного времени... А в рабочее, она пописывала статейки в журнальчики. Так и текла ее семейная жизнь – полный достаток, любящий муж и сны о чем то большем.

Гриша не мог заснуть, что было нужно от него этой зеленоглазой женщине? Она казалась искренней. Почему она выбрала его?

Нельзя сказать, чтобы Гриша был такой уж порочный и только ждал случая спровадить вечно беременную жену. Скорее наоборот. Часто он просто не решался отказать страждущим женщинам. Некоторые запоминались. Например, одна, с Рублевки. Он шел выполнять очередной заказ, лазить по потолку, разрисовывая очередные новые русские потолки. Все хотели быть оригинальными и заказывали примерно одно и то же. Приехав в очередной особняк, его встретила женщина, она приятно удивила его интеллигентностью лица, а на потолке она захотела что-нибудь выражено хулиганское. Когда он работал, она часто приходила, садилась на стул в еще не законченной пустой комнате и читала книгу. Грише было трудно работать, когда за каждым его движением следил заказчик, тем более было неловко оттого, как быстро появлялся на потолке рисунок. Хотелось немного приувеличить сложность своей работы. Показать муки творчества. И Гриша ей сказал, что стесняется работать в ее обществе. И еще сказал, чтобы она не опасалась оставлять его одного, он не будет лить здесь киросин и сразу курить, туша окурки о подошву. Тогда она сказала, что ей просто приятно на него смотреть. И предположила, что может себе позволить невинную радость за собственные деньги, просто смотреть, как он рисует. Гриша не мог не признать, что за эти деньги она действительно могла на это претендовать. Гриша слез со стремянки, и они занялись любовью. Тело у нее было крепкое и жилистое, ноги длинные и гораздо красивее, чем в Вари. Гриша подумал, что в такой приятной оболочке любить зрелую женщину совсем не сложно.

После этого ему было жутко. Стыдно Вари, ее голубых рыбьих глаз, ее спокойствия и невинности. На следующий день ему очень не хотелось на Рублевку. Он сказал Варе, что не хочет выполнять заказ, потому что заказчица – дура. Но Варя, совсем не жадная до денег, здраво рассудила, что тогда они не смогут все лето путешествовать, как привыкли. Гриша шел на работу, как на плаху, нерасписанного потолка еще было, как минимум, соитий на двадцать пять. Женщина открыла ему дверь и под предлогом того, что у нее звонит телефон, убежала в дальнюю часть дома. Она появилась только вечером, когда надо было открыть дверь и выпу-

стить Гришу. Она оказалась чувствительной и деликатной. С тех пор Гриша даже в самых страшных на вид, распухших от ботокса и силикона блондинках, умел разглядеть человека.

Все остальные измены Гриши были такого же рода. Он не мог отказать хорошему человеку-женщине, если у человека-женщины была талия, зубы и прочие ингредиенты, которые и составляют разницу между человеком-женщиной и женщиной-человеком.

Почему его беспокоила эта чертова Маша? Почему ему казалось, что, если бы она сняла шубу, то он нее запахло бы медом и миртом. Что это такое – мирт вообще? Что-то бибилейское. О, господи...

Гриша пролежал до утра, думая, то о загадочной Маше, то о пылящихся шарах, в которые он теперь вставлял лампочки, и друзья посмеивались над ним, говоря, что теперь он может спокойно стать дизайнером ИКЕА. И о том, что ему совершенно все равно, что он уже как бы и не художник и даже не хочется от этого выпить. И о том, что три месяца нет ни одного частного заказа. И о том, что нужно написать какой-нибудь фигни на продажу, чтобы продержаться. Но Гриша так и не придумал, в каком именно стиле ему рисовать фигню. Абстрактную фигню или фигню, состаренную под голландцев? Что сейчас модно вообще? Что рисуют на продажу?... Маша, господи, Маша какая-то, причем здесь Маша. «Вы мне понравились.» Отлично вообще. И что я должен делать? И вообще, как ее теперь найдешь? Кричать везде Маша в шубе, Маша в шубе – подойдите к первому вагону. Господи, какой бред. Как заснуть то? Может таблетку? Черт, светает уже. Сколько времени вообще. Пойду пописаю, а лучше покурю...

Из детской раздалось жалобное всхлипование Енисея....Все, поспал и покурил. Нет, все-таки пописаю – без этого никак. Слушая десткий плачь, под аккомпонимент струи, Гриша начинал новый день.

Маша долго в этот день, да в прочем, как и в другие, валялась в постели. К своим 32 годам, она сделалась редактором журнала про интерьеры. Ходить ей на работу было совсем не обязательно. Но она все равно шла, так как дома делать было решительно нечего. Ребенок сын Алексей был давно отведен в школу нянькой, мыть и убирать тоже было ничего не нужно, впрочем, Маша и не стремилась проводить время именно так. Муж тоже ушел на свою работу, Хотя с ним было еще скучнее, потому что дома он обычно садился за компьютер и смотрел туда долго и нудно. Маша тчетно пыталась выяснить, как можно так проводить свободное время, смотря в мерцающий экран. Что там можно вычитывать, учитывая, что у мужа, кроме работы не было каких то специальных увлечений? Мужские хобби, такие как охота и рыбалка он презирал за грубость. А искусство искренне считал чем-то сугубо утилитарным. Все картины, которые пыталась показывать ему Маша, он сортировал на две категории: «я бы повесил» и «я бы не повесил». Маша долго пыталась узнать у мужа, при чем тут вообще он и этот его крюк, на который он все вешает? Муж же, не колеблясь, отвечал: ты же спрашиваешь моего мнения? Короче, она так ничего и не выяснила.

В это утро Маше особенно никуда не хотелось, она приняла душ, вылезла в полотенце в коридор, сразу замерзла и приняла душ еще раз. Позвонили с работы, сказали, что фотографии получились ужасные, и лучше бы ей приехать разобраться, но Маша с тоской подумала, что пока будет чистить машину от вчерашнего снегопада, чего доброго, опять замерзнет. И попросила выслать ей фотографии по интернету. На улице было тоскливо, вчерашний сказочный снег просел и обуглился. Когда она вспоминала вчерашнюю встречу, она думала только одно: Придурок, придурок, придурок! И знала в то же время, что придурок ни в чем не виноват, просто она вела себя неадекватно, и теперь ей стыдно за свое дурацкое поведение.

С другой стороны чего стыдится, на нет и суда нет. Ему не пришлось делать ничего тяжелого, ну подумаешь, неловкость и все. Придурок, придурок! Почему она не дала ему телефон?

Маша уже лет пять по большому счету занималась только тем, что ждала, что что-нибудь переменится, что кто-нибудь войдет и разрушит ее спокойную жизнь. С другой стороны этого же она и боялась, потому что на ум приходили дурацкие старинные поговорки: от добра добра не ищут и так далее. Она побаивалась, что Бог воспримет ее мольбы привратно и сломает ей жизнь не так как она хочет, а лишит ее, например, здоровья или сына. В благородство бога она не верила. Для этого за доказательствами долго бегать не приходилось. Достаточно заглянуть в соседствующий с их загородным домом хоспис. И все же она молилась, чтобы однажды все стало по-другому. Она была несчастна. И даже пожаловаться было некому. Все подруги, слегка завидуя ей, советовали не гневить бога или завести роман. Заведи, мол, роман. Станет тебе хорошо и приятно. Как будто от прелюбодеяния Бог как бы и не гневается, а гневается только, если гневить его осознанно.

До замужества завести роман для Маши не составляло труда, все было как то само собой. После стало значительно сложнее. Среда ее общения резко переменялась. Среди мужчин, которых она встречала, были польсевшие и обрюзгшие к своим тридцати пяти деятели финансовой сферы, трое мужчин на работе – вахтер 72-лет, постоянно меняющиеся фотографы, и один дизайнер, прелестное существо с задом в три раза шире плеч, очерченной циркулем круглой лысиной в венчине волос, ходивший на работу в коротких штанах с подтяжками, постоянно шамкавший губами. Несмотря на то, что он был энциклопедически образован и где-то остроумен, что-то у них не складывалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.